

САРАМОРГИЯ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КИРА КОСТЕНЮК

18+

Кира Костенюк

Сараморгия

«Автор»

2026

Костенюк К.

Сараморгия / К. Костенюк — «Автор», 2026

После загадочной гибели любимой женщины жизнь обеспеченного Вадима выцветает и превращается в пустоту. Ни деньги, ни успех не могут зажечь бывшего огня и любви к жизни, пока однажды близкий друг не предлагает необычное путешествие в потусторонний мир. Его ждет правда, которая оказывается страшнее смерти.

© Костенюк К., 2026

© Автор, 2026

Кира Костенюк

Сараморгия

Бывало ли у вас такое: смотришь утром в зеркало, а отражение опаздывает за тобой на долю секунды? Лицо вроде бы отдохнувшее, кожа ровная, почти живая. А внутри пусто. У меня так было, кажется, всегда. По крайней мере, другого себя я не помню.

Если бы моя душа существовала физически, то была бы мокрой тряпкой, которую вынули, выжали, задушили ею всех, кого я любил, затем вытерли следы их жизни и засунули обратно. Хотя я существую, как видишь, даже разговариваю с тобой. Сердце бьется, легкие работают, даже кровь знает маршрут. А я – нет.

Каждая минута моего существования – не страдание, нет. Страдание предполагает хоть какой-то смысл, который так стараются постичь люди последние несколько столетий. Не стоит романтизировать жизнь, мой друг. Это не путешествие и не дар. Это временное соглашение между миллиардами клеток, которые притворяются единым организмом. Ты не хозяин. Ты побочный эффект, ошибка программы, которую даже не потрудились исправить.

Твои клетки день и ночь трудятся: делятся, умирают, чинят поломки, отражают атаки. А ты в это время лежишь, уставившись в экран, скролишь бесконечную ленту новостей, преимущественно плохих, конечно. Они вызывают у тебя самые скверные эмоции: ты возмущаешься, злишься, чувствуешь страх, сетуешь на несправедливость мира – при этом ты смакуешь каждую такую мысль, потому что это возможность почувствовать себя живым. Твое сознание, эмоции, страхи и тревоги вне твоего контроля. Ты абсолютно бессилен. Ты существуешь, пока продолжается согласованная работа твоего организма. Но стоит произойти крошечной ошибке, даже самой нелепой, на первый взгляд – сосуду лопнуть, импульсу сбиться, клеткам начать бесконтрольно делиться и ... *memento mori*.

Скажешь, миром правит любовь? А что конкретно ты называешь любовью? Трепет бабочек в животе? Это механизм, где человек продается быстрее всего. Несколько нервных импульсов, ради которых люди лгут, крадут, рушат семьи и убивают. Но самый изящный обман в другом. Каждый второй уверен, что именно он – особенный. Что его судьба уникальна, разум исключителен, а существование непременно оставит след в истории. Семь миллиардов потенциальных героев, ожидающих своего часа, лежа на диване.

Я почти вижу эту строчку в учебнике:

«Иван Дыркин – бессменный король диванных баталий, полуночный рыцарь, вооруженный джойстиком».

Люди забывают простую истину: настоящий дар бытия состоит не в удовлетворении похоти или реализации своих амбиций. Жизнь дана не для удовольствий, а чтобы показать всю ничтожность твоих желаний, весь ужас вечного одиночества и полную бессмысленность человеческого тщеславия.

И когда ты это поймешь – станет по-настоящему тихо, как в голове у буддийского монаха. Считаешь, я излишне философствую? Просто предупреждаю. Ведь я знаю истинную природу вещей. Видел, что находится по ту сторону ваших надежд, страхов и любви. И знаю, чем заканчиваются истории тех, кто слишком долго смотрит в пустоту.

Но не будем забегать вперед, мой друг. Истории всегда начинаются одинаково – с иллюзии, что впереди еще есть выбор.

26 августа, 2018 г

Глубокие басы давили на слух, вызывая неприятную вибрацию в висках и горле, будто силясь вырвать кадык. Слегка подрагивали запотевшие стаканы, в которых медленно таял лед, смешиваясь с односолодовым виски в терпком алкогольном танго.

– Вадь, я те говорю, реальная схема, бабки выводить можно без проблем, – слово «бабки» Тимур произнес почти беззвучно, и воровато оглянулся – убедиться, не услышал ли кто подробностей его серой схемы.

Но никто не слышал. Музыка играла громко, да и налоговых инспекторов поблизости не наблюдалось.

Вадим сухо кивнул, не желая вступать в споры о прибыльности очередного «гениального» проекта Тимура. Воспоминание о прошлой инвестиции еще жгло душу – ее экономический итог оказался плачевным, а доверие к другу пошатнулось. С тех пор решил, что с Тимуром лучше не пересекать границу между дружбой и работой.

Искусственный рай в пойме Москвы-реки жил по суровым законам люксового мира. Элитный алкоголь по цене двух месячных зарплат провинциала, безупречная обстановка, идеальный газон, подстриженный как по линейке. Бассейн отливал стерильной голубизной альгидов, будто кто-то разместил миниатюру неба здесь, чтобы им пользовались люди, которые за это щедро платят. Постройка зоны отдыха с полукруглыми арками и бетонными колоннами напоминала заставку «Санта-Барбары».

Вымуштрованные официантки с идеальными фигурами и лоснящейся кожей носили на лицах такое выражение, какое, вероятно, бывало у Матильды Кшесинской на пике своего триумфа.

– Смотри какая жопа у той, в красном купальнике, – ухмыляясь, сказал Эдик.

– У тебя одни жопы на уме. Ты лучше расскажи, как выездная проверка прошла, угомонились? – спросил Тимур.

– На лапу дашь – любой угомонится, – ответил Эдик.

– Жопы, бабки... А про духовные ценности слышали? Эх вы, обедневший духом народ! Приземленный, неосознанный, хилый душой, – проговорил с укоризной Олег.

Все четверо раскатисто засмеялись.

– Олег, ну ты скажешь что-нибудь, непонятно – то ли на серьезных щах, то ли стебешь нас, – с улыбкой упрекнул его Вадим, – но в чем-то ты прав.

Поднялся ветер, возвещающий о близком окончании лета. Конец августа выдался теплым, но не жарким. Ветки хрустко гнулись под тяжестью усталой листвы. Москва-река покрылась мелкой рябью, которая, однако, не мешала вейксерферам разрезать волны вслед за бело-снежными катерами.

Вадим, Тимур, Эдик и Олег чокнулись и быстро осушили бокалы с виски.

– Вадь, ну как тебе та особь в красном, а? – не унимался разгоряченный Эдик.

Вадик закатил глаза:

– Да одинаковые они все. Сиськи, жопы – все из-под одного хирурга. Губищи эти... Одинаково выглядят, одинаково разговаривают. Сука, даже стонут одинаково.

– Вадь, у тебя что кризис среднего возраста? После сорока такое бывает, – Утешающе произнес Эдик, – У тебя как с этой, как ее...ну новой твоей?

– Как, как... Да никак! «Масик, дай на маникюр 5 тыщ, кинь на карту десятку, я в ресторан пообедать схожу». Это че за маникюр за пятеру? Его кто ей делает, мэр города?

– Скорее она ему делает «маникюр», – отозвался с усмешкой Тимур.

– Я на нее в месяц трачу страшно сказать сколько, – продолжал Вадик, – отдохнуть свозил, на пластического хирурга бабок дал, за хату в центре плачу. А что взамен? Жеманная манерность. Суррогат сплошной.

– Неужели в постели все так плохо? – потеряв интерес к теме про налоговую, оживился Тимур

– Знаешь Тим. Вот лет в 20 все так остро ощущалось, как оголенные нервы.

У тебя был не просто член. Ты сам весь был им. Удалось бабу красивую отшпилить – и ты в экстазе. Не только в физическом смысле, а в эмоциональном, тебе настолько кайфово, что аж слюни текут. А сейчас. Ну уложишь ее на лопатки. Смотришь – сиськи силиконовые стоят, как памятники сами себе – не живут, не растекаются, не подчиняются гравитации. Все стерильно – ни волоска, ни намек на биологию. Тело есть, а присутствия нет. Стонут всегда театрально-вымученно. Душатся чрезмерно и все одинаковым парфюмом – у меня дед, когда умер, так же пах.

Эдик и Тимур закатились истерическим смехом.

– Раньше – любовь. А сейчас любят не меня, – откровенничал Вадим.

– А твои деньги, – Олег закончил фразу с легкой улыбкой.

– Именно! – Вадим резко ткнул пальцем в сторону Олега, подтверждая его мысль. – Все сводится к деньгам. Кругом – лизоблюды на лизоблюде. «Вадим Борисыч то», «Вадим Борисыч это». Даже если я буду нести откровенную чушь и вести себя как конченный гамадрил – все равно будут лебезить и пресмыкаться. Я проверял. Надоело!

– Вадь, да у тебя депрессия походу, – сказал Тимур и в его черных восточных глазах появилась встревоженность.

– Это экзистенциальный кризис! Сгоняй отдохнуть, я недавно был на Мальдивах, – начал с придыханием Эдик.

– Да был я. Везде был. Мальдивы – тоска зеленая, жратва безвкусная. Я, блять, даже с парашютом прыгал. Сначала было страшно. Потом блевал.

– А может, ты зажрался просто, и тебе стоит попробовать что-то аскетичное? – Загорелся идеей Тимур.

– Дауншифтинг что ли? – исподлобья ответил Вадим, – Пробовал и это. По Алтаю в палатке путешествовал. Комары сибирские злые, всю жопу искусили.

Олег все это время молча наблюдал за разговором своих друзей. Он изящно достал длинными тонкими, как у пианиста, пальцами сигарету, зажег ее, с удовольствием затянулся густым дымом и, запрокинув голову с закрытыми глазами, выдохнул серое облако к потолку шатра.

– Я поделюсь с тобой контактами турагента, – проговорил он

– Олежа, – деланно произнес Вадик, – Я же сказал, был везде, твоему турагенту будет нечем меня удивить.

Олег достал из кармана брюк новенькую визитку, сияющую золотыми переливами и черным кантом, протянул ее Вадиму.

Вадим вытер пот с покрасневшего лба, прищурил глаза чтобы прочитать информацию на визитке.

«Павел Красковский. Путешествие между мирами».

– Олех, в Москве Аяваску варить научились? – язвительно уточнил Вадим.

– Просто доверься мне. Это не очередной тур в хуево-кукуево, где за пять тысяч долларов тебе втюхают пыльную хибару на краю Задрищенска и водку паленую, от которой получишь разве что пожизненную подписку на гастроскопию. Ты получаешь возможность заглянуть за грань и вернуться обратно, это путешествие абсолютно меняет восприятие жизни. Ты покупаешь нового себя. Неужели ты знаешь кого-то кому это удавалось?

Вадик задумчиво сжал губы, разговоры о загробном мире привели его в смятение,

– Вольф Мессинг, вроде как, умел осознанно умирать и возвращаться с того света. Знали?

– Это была только летаргия. – Проговорил Олег, – Мессинг ложился в гроб, замедлял дыхание, пульс и впадал в анабиоз на несколько дней. После такого просыпаешься, как после глубокого сна. А я же говорю про реальное путешествие.

– А ты сам-то пробовал, путешественник? – спросил Эдик.

Олег снисходительно улыбнулся и кивнул.

Несмотря на то, что все они были ровесниками, любые слова и жесты Олега имели особый вес. Его внимательно слушали. Дело было то ли в спокойной уверенности тона, во внушительном росте, или в искренней благодарности друзей к нему. Так или иначе, откровенно спорить с ним не решался никто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.